

Япония и Китай: новая эра в отношениях или конъюнктурное сближение?

© 2019

В.О. Кистанов

Территориальный конфликт и различное восприятие истории двусторонних отношений оказывают сильный охлаждающий эффект на современные японо-китайские отношения. Это приводит к такому явлению во взаимодействии двух стран, как «горячая экономика, холодная политика». Вместе с тем происходящие в последние годы серьезные сдвиги в экономике, геополитике и сфере безопасности в АТР и на глобальном уровне заставляют руководителей двух стран смягчать политические противоречия и искать возможности сближения и сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Китай, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, торговля, военная мощь, договор безопасности, Сэнкаку (Дяоюйдао).

DOI: 10.31857/S013128120003918-0

Противоречивое партнерство

Драматические отношения между Японией и Китаем на протяжении XX века играли важную роль в формировании геополитического ландшафта в Азиатско-Тихоокеанском регионе и оказывали серьезное воздействие на ход мировой истории. Причем практически все прошлое столетие Япония, волею судеб вошедшая в его начале в разряд мировых держав, задавала тон в своих отношениях с Китаем. В основном это был тон военной агрессии на материке. В XXI веке Китай не только оттеснил Японию с позиции экономического лидера в Азии, но и стал оспаривать у США хозяйственные высоты на глобальном уровне. Новое качество экономики «восходящего Китая» позволило теперь уже Пекину навязывать Токио свое видение двусторонних отношений.

В целом же в текущем столетии взаимоотношения Японии и Китая превратились в весьма заметный экономический и политический фактор не только в региональном, но и в мировом масштабе. При всей сложности этих отношений значительно повысилась их ценность для обеих стран. Исключительная взаимная значимость и непреходящая противоречивость партнерства двух ведущих азиатских держав ярко проявились во втором десятилетии нынешнего века, особенно в 2017 и 2018 г., когда Токио и Пекин отметили две юбилейные даты в своих отношениях — 45-летие восстановления дипломатических отношений и 40-летие Договора о мире и дружбе.

Вот, например, как японо-китайские отношения оценивает ежегодник японского МИДа «Голубая книга по дипломатии за 2018 год»: «Отношения с Китаем, соседней страной по Восточно-Китайскому морю, являются одними из наиболее важных двусторонних отношений Японии, и две страны имеют тесные экономические отношения, а также межличностные и культурные обмены. В 2017 г. исполнилось 45 лет со дня нор-

мализации японо-китайских дипломатических отношений, и была предоставлена возможность провести диалоги на высоком уровне, включая встречи на высшем уровне и встречи министров иностранных дел. Это был год, в котором значительно возросли темпы улучшения японо-китайских отношений»¹.

Далее «Голубая книга» утверждает, что Япония и Китай несут главную ответственность за мир и стабильность в регионе и в международном сообществе, а стабильные отношения между ними имеют большое значение не только для граждан обеих стран, но и для решения региональных и международных проблем, включая северокорейскую. Также подчеркивается, что в соответствии с идеей построения «взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах» японское правительство будет продолжать содействовать развитию дружественных связей с Китаем в широкой перспективе посредством продолжения диалога и сотрудничества на различных уровнях².

Безусловно, базой, цементирующей отношения Японии и Китая, являются их глубокие и разносторонние экономические связи. По данным той же книги, общий объем торговли между Японией и КНР (за исключением Гонконга) составил в 2017 г. около 296,8 млрд долл. (увеличение на 9,8% по сравнению с предшествующим годом). Китай является крупнейшим торговым партнером Японии на протяжении последних 12 лет. А прямые инвестиции Японии в Китай только в 2017 г. составили около 3,27 млрд долл. (прирост 5,1% в годовом исчислении, что связано с продолжающейся тенденцией восстановления китайской экономики). Япония занимает 3-е место по объему прямых инвестиций в Китай (Сингапур — 1-е место, Южная Корея — 2-е, США — 4-е). С 2013 г. продолжает расти число китайских туристов, посетивших Японию. В 2017 г. оно достигло рекордного показателя в 7,36 млн человек.

Важным фактором, способствовавшим экономическому «восхождению» Китая, явились японские иеновые займы на льготных условиях в рамках официальной помощи на цели развития (ОПР). С 1979 г. Япония предоставила ОПР на общую сумму более 3 трлн иен. Однако примерно десять лет назад она прекратила осуществление новых проектов в рамках кредитной и безвозмездной помощи, на которые приходится значительная доля ОПР. Токио посчитал, что Китай достиг такого уровня развития, когда в ней нет необходимости. В настоящее время основной формой помощи является техническое сотрудничество (на него в 2016 г. пришлось 500 млн иен). Кроме того, продолжает осуществляться помощь в виде грантов (29 млн иен в 2016 г.)³.

Говоря о проблемах в отношениях Японии с Китаем, главный документ японского МИДа указывает, что в Восточно-Китайском море китайские правительственные суда продолжают вторгаться в японские территориальные воды вокруг островов Сэнкаку (китайское название Дяоюйдао). Помимо этого, китайские военные быстро наращивают активную деятельность в этом районе. Китай продолжает одностороннее освоение ресурсов в Восточно-Китайском море и неоднократно проводил морские исследования без согласия Японии. В «Голубой книге» подчеркивается, что острова Сэнкаку являются неотъемлемой частью территории Японии в свете исторических фактов, и японское владение ими основано на международном праве. Книга отрицает существование в японо-китайских отношениях территориального спора по поводу островов Сэнкаку. «Чтобы защитить свои территориальные земли, море и воздушное пространство, Япония будет заниматься ситуацией решительно и спокойно», — говорится в ней⁴.

Действительно, в настоящее время группа необитаемых островков Сэнкаку (Дяоюйдао) контролируется Японией, но Китай считает их своими незаконно отторгнутыми территориями и требует возврата. Территориальный конфликт между двумя странами резко обострился после того, как правительство бывшего премьер-министра Японии Ёсихико Нода, предшественника Абэ, решило вернуть Сэнкаку под контроль государства в сентябре 2012 г., выкупив их у частного владельца. В тот год по Китаю прокатилась волна антияпонских выступлений.

Помимо территориальной проблемы японо-китайские отношения омрачает неприятие в КНР высказываний многих японских политиков и экспертов, стремящихся обелить агрессию Японии против Китая в первой половине XX века. Наиболее ярко это проявляется в крайне негативной реакции Пекина на посещения японскими официальными деятелями, включая премьер-министров и членов парламента, синтоистского храма Ясукуни в Токио, в котором наряду с рядовыми японцами, погибшими во время прошлых войн, почитаются души 14 военных преступников, казненных по приговору Токийского трибунала. Пекин считает храм Ясукуни олицетворением японского милитаризма. Однако, по мнению ряда японских комментаторов, он прибегает к антияпонской риторике, когда ему необходимо добиться очередных выгод в экономических отношениях с Японией или укрепить внутривластные позиции существующей власти.

Так или иначе, территориальный конфликт и различное восприятие истории двусторонних отношений, судя по всему, носят непреходящий характер и оказывают сильный охлаждающий эффект на современные японо-китайские политические отношения. Это приводит к такому перекосу во взаимодействии Японии и Китая, который сформулирован в известном выражении «горячая экономика, холодная политика». Вместе с тем происходящие в последние годы серьезные сдвиги в экономике, геополитике и сфере безопасности как в АТР, так и на глобальном уровне, заставляют руководителей двух стран по мере необходимости микшировать политические противоречия и искать возможности сближения и сотрудничества.

Это особенно заметно на примере трансформации отношений Японии и Китая в период нахождения у власти в Японии нынешнего премьер-министра Синдзо Абэ, который в КНР считается внешнеполитическим ястребом. Повторно заняв кресло премьер-министра в декабре 2012 г., Абэ «по инерции» совершил в декабре 2013 г. паломничество в Ясукуни. Визит вызвал взрыв возмущения в Китае и, в дополнение к покупке правительством Японии островов Сэнкаку (Дяоюйдао) в предшествовавшем году, еще сильнее охладил отношения Токио с Пекином.

Базовым внешнеполитическим лозунгом Синдзо Абэ в его втором сроке премьерства является «Япония возвращается», который подразумевает курс на значительное повышение роли и места Японии на международной арене. По мнению Абэ, они серьезно ослабли при прежних администрациях. Одним из средств достижения этой цели, по замыслу японского премьер-министра, должно стать улучшение отношений с набирающей экономическую мощь и военную силу соседним Китаем. Причем это должно происходить параллельно с укреплением военно-политического союза с Соединёнными Штатами, усилением собственного военного потенциала и другими мерами. В связи с этим глава кабинета министров Японии после 2013 г. воздерживается от посещений военного святилища Ясукуни, но ежегодно за свой счет делает храму традиционное подношение «масакаки» — деревце, которое в синтоизме считается священным. При этом парламентарии и члены кабинета министров Японии продолжали регулярно посещать храм Ясукуни, что неизменно порождает протесты китайских властей.

Весь период своего повторного премьерства Синдзо Абэ последовательно добивался официального саммита с Председателем КНР Си Цзиньпином. Однако таких встреч не происходило вплоть до осени 2018 г., если не считать эпизодических краткосрочных и неформальных встреч руководителей Японии и Китая на полях саммитов АТЭС и других международных форумов. Не было двусторонней встречи лидеров Японии и Китая и на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2018 г., несмотря на то, что оба они сидели рядом за одним столом в президиуме пленарного заседания.

Судя по всему, Си Цзиньпин отсрочивал «встречу в верхах» со своим японским визави до нужного китайской стороне момента. Такой момент окончательно вызрел в течение 2018 г., прежде всего, под воздействием агрессивной внешнеторговой политики президента США Дональда Трампа, объектами которой в Азии, наряду с Южной Кореей,

стали Китай и Япония. Обе страны, по мнению Трампа, реализуют нечестную внешне-экономическую практику в отношении Америки, что выливается в ее огромный дефицит в торговле с ними. Такой подход американского президента делает Японию и Китай «братьями по несчастью» и мотивирует их к взаимному сближению.

Кроме того, по мнению японских аналитиков, Пекин в последние годы в условиях обострения противостояния с Вашингтоном в сфере безопасности в АТР начал постепенно поворачиваться в сторону Токио с надеждой ослабить японо-американский военный альянс. Как заявляют японские правительственные чиновники, этот поворот свидетельствует о том, что в последнее время Китай стремится укрепить свое политическое влияние за рубежом на основе растущей экономической и военной мощи в попытке перехватить «гегемонию» в Азиатско-Тихоокеанском регионе у Соединённых Штатов⁵.

У Токио также имеются свои расчеты на сближение с Пекином. Премьер-министр Абэ в русле провозглашенного им курса на освобождение Японии от ограничений, наложенных на страну после окончания Второй мировой войны, хотел бы проявить большую самостоятельность на внешней арене. К этому его подталкивают, в том числе, и заявления президента Трампа о том, что азиатские союзники США, прежде всего Япония и Южная Корея, должны нести более существенное бремя по обеспечению собственной безопасности.

Исторический саммит?

Наращение взаимных побудительных мотивов привело к тому, что 27 октября 2018 г. состоялся давно делеемый японской стороной полномасштабный официальный визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Пекин. Это был первый визит японского премьера в Китай за последние семь лет. В ходе него Синдзо Абэ провел переговоры с Си Цзиньпином, на которых подчеркнул, что надеется «продвинуть японо-китайские отношения в новую эру, от конкуренции к сотрудничеству». Си Цзиньпин также положительно оценил эти отношения, сказав, что «китайско-японские связи вернулись в нормальное русло»⁶.

Абэ пригласил Си Цзиньпина посетить Японию в 2019 г. По сообщениям японских официальных лиц, китайский лидер «серьезно рассматривает» это предложение. Если он согласится, Си будет первым высшим руководителем КНР, посетившим Японию после Ху Цзиньтао, который побывал там с официальным визитом в 2008 г. Скорее всего, встреча состоится в конце июня, до или после саммита «большой двадцатки» (G-20) в г. Осака.

В Пекине Абэ встретился также с премьер-министром Китая Ли Кэцяном. На встрече он, в частности, заявил: «Япония и Китай — соседи и партнеры. Мы не станем угрозой друг другу». Абэ сказал, что Япония хочет работать с Китаем, чтобы «развивать свободные и справедливые торговые отношения», и добавил, что «премьер Ли и я подтвердили эти принципы»⁷.

Примечательно, что в поездке премьер-министра Японии сопровождала внушительная делегация японских бизнесменов, насчитывавшая более 500 человек. Это факт подтверждает мнение японских специалистов о том, что в условиях трудностей, вызванных старением населения и падающей рождаемостью, Япония по-прежнему нуждается в Китае как важном внешнеэкономическом партнере. После встречи Абэ и Ли подписали ряд соглашений, охватывающих широкий спектр инициатив — от ослабления напряженности на море до сотрудничества в области энергетики, развития инфраструктуры и технологий.

Особое внимание привлекает то, что лидеры двух стран договорились развивать экономическое сотрудничество между японскими и китайскими компаниями в третьих странах. Этот шаг направлен на создание новой модели японо-китайского сотрудничества посредством развития в этих странах инфраструктуры и других проектов. Он является

своего рода ответом Токио на призыв Пекина участвовать в его инициативе, известной под названием «Один пояс, один путь» (ОПОП). До недавнего времени японское правительство негативно относилось к этой инициативе, полагая, что она приведет к созданию в Евразии огромной сферы экономического и политического влияния Китая в ущерб интересам Японии. Перемену курса Абэ в этом отношении также следует рассматривать как сигнал Пекину о готовности Токио идти на серьезное сближение с ним.

Правда, Япония намерена сотрудничать с Китаем при условии, что совместные проекты в третьих странах в рамках инициативы ОПОП будут соответствовать международным стандартам с точки зрения их прозрачности и финансовой обоснованности. Это вызвано опасениями по поводу того, что массированное кредитование Китаем таких проектов, как правило, приводит к чрезмерной задолженности стран-реципиентов и ставит их в зависимость от него. Учитывая опасения, что падение валют развивающихся рынков может дестабилизировать мировую экономику, правительство Японии планирует поднять вопрос о задолженности развивающихся государств, когда будет принимать саммит G20 в июне 2019 г. в Осака.

Символично также, что наряду с ОПОП японские бизнесмены выразили готовность сотрудничать с Пекином и в другой его инициативе под названием «Сделано в Китае 2025». Однако, учитывая негативное отношение Вашингтона к обеим инициативам китайского руководства и торговую войну, развязанную Трампом против КНР, японским компаниям, желающим получить выгоду от участия в указанных инициативах, несомненно, придется делать это с оглядкой на нынешнюю администрацию США. Другими словами, деловые круги Японии будут вынуждены искать «золотую середину» в их экономических связях с Китаем и Соединёнными Штатами.

На фоне череды взаимных благожелательных высказываний руководителей Японии и Китая относительно позитивных перемен в отношениях между двумя странами японские СМИ и эксперты критически оценили как состояние этих отношений, так и итоги самого визита Синдзо Абэ в КНР. Так, крупнейшая газета «Ёмиури симбун», указывая на то, что прошло сорок лет с тех пор, как в 1978 г. вступил в силу Договор о мире и дружбе между Японией и Китаем, напоминает, что тогда китайский лидер Дэн Сяопин, посетивший Японию с целью подписания договора, обратился за поддержкой к японским компаниям. Вскоре после возвращения в Китай он разработал политику реформ и открытости, предназначенную для налаживания рыночной экономики и достижения быстрого экономического роста Китая⁸.

По данным газеты, за последние 40 лет Япония предоставила Китаю по линии Официальной помощи развитию (ОПР) в общей сложности более 3,65 трлн иен, помогая стране в строительстве железных дорог, портов и другой инфраструктуры. В 2001 г. Китай вступил во Всемирную торговую организацию, а в 2010 г. он превзошел Японию по объему валового внутреннего продукта. Издание полагает, что эпоха, когда Япония в одностороннем порядке помогала Китаю и провозглашала «дружбу» с ним, давно прошла. В ходе своего визита в Китай Абэ объявил о решении полностью прекратить ОПР Японии Китаю, заявив, что «ее историческая миссия закончилась».

О новом качестве отношений двух ведущих азиатских держав свидетельствует и тот факт, что Китай вскоре станет вторым по величине денежным спонсором Организации Объединенных Наций, уступая только США, в соответствии с недавно принятыми планами взносов, оттеснив Японию со 2-го места, которое она занимала с 1980-х годов. Генеральная Ассамблея ООН 22 декабря 2018 г. приняла резолюцию об увеличении китайского взноса с 7,921% в 2016–2018 гг. до 12,005% в 2019–2021 гг. в связи с быстрым экономическим ростом КНР. Доля медленнее растущей Японии сократилась с 9,68% до 8,564%⁹. США по-прежнему будут платить 22%. Откат на 3-е место по этому показателю, очевидно, может ослабить влияние Японии не только в ООН, но и на международной арене в целом.

«Ёмиури симбун» не сомневается, что за изменением Китая своей жесткой позиции по отношению к Японии и шагами, направленными на улучшение двусторонних отношений, стоит ухудшение экономического положения КНР, вызванное торговыми трениями с США. Американо-китайское противостояние распространилось на безопасность и другие области и, похоже, будет длительным. Поворот Пекина к Токио, уверена газета, задуман как проверка Вашингтона¹⁰.

По мнению издания, одним из факторов конфронтации между США и Китаем является то, что Китай в контексте роста своего экономического влияния превратился в страну, угрожающую стабильности международного порядка. Нарастивая свою военную мощь и проводя жесткую дипломатию, Китай пытается навязать другим странам китайский стиль и нормы поведения, отличные от норм Европы и Соединённых Штатов, основанных на демократии и верховенстве права.

«Ёмиури симбун», как и некоторые другие японские СМИ, подмечает парадокс, который заключается в том, что в Договоре о мире и дружбе между Японией и Китаем содержится положение, согласно которому обе страны «выступают против усилий любой другой страны или группы стран установить гегемонию». 40 лет назад это положение подразумевало бывший Советский Союз, однако теперь сам Китай якобы проводит «гегемонистскую политику» в регионе¹¹.

Газета призывает администрацию Си Цзиньпина признать, что ее политика, направленная на то, чтобы поставить Китай на путь превращения в «сильную страну», усилила настороженность других стран к Пекину, и это привело к укреплению восприятия Китая как угрозы. Если Китай не предпримет шагов для прекращения создания военных плацдармов в Южно-Китайском море, исправления нечестной торговой практики и нарушений прав интеллектуальной собственности, он не будет рассматриваться как ответственная великая держава, полагает газета.

Издание выражает тревогу по поводу того, что регулярные вторжения китайских правительственных судов в японские территориальные воды вокруг островов Сэнкаку могут привести к кризису в сфере безопасности. Оно подчеркивает, что даже на октябрьском саммите Абэ и Си не смогли проложить путь к урегулированию конфронтации по поводу Сэнкаку. При этом лидеры двух стран не пошли дальше подтверждения договоренности, направленной на скорейшее создание «горячей линии» между ними. «Ёмиури симбун» настаивает, чтобы Япония противодействовала односторонней морской экспансии Китая, продвигая «стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» совместно с такими партнерами, как Соединённые Штаты и Австралия¹².

Довольно прохладно оценил японо-китайский «исторический саммит» и рупор деловых кругов Японии — газета «Нихон кэйдзай симбун». По ее мнению, визит премьер-министра Синдзо Абэ в Китай показал, что японский лидер пытается балансировать в отношениях Токио с Вашингтоном и Пекином¹³. Отмечая дружескую атмосферу, царившую за ужином руководителей Японии и Китая, издание подчеркивает, что она была невозможна еще несколько лет назад, когда японо-китайские отношения из-за территориального спора в Восточно-Китайском море опустились до самого низкого уровня за весь период после их нормализации в 1972 г. В ходе ужина состоялся откровенный обмен мнениями между Абэ и Си по поводу текущей политики США, отношения с которыми являются и останутся в обозримом будущем важнейшим экономическим и политическим приоритетом как для Японии, так и для Китая.

Руководитель КНР довел до сведения своего японского визави, что выступает против однополярной системы во главе с США, и выразил разочарование позицией Вашингтона на торговых переговорах с Пекином, подчеркнув, что необходимо уважать систему свободной торговли. Как полагает газета, Си Цзиньпин намеренно сделал это, зная, что Синдзо Абэ является мировым лидером, имеющим тесные связи с американским президентом.

«Президент Трамп доверяет вам», — ответил Абэ, указав на то, что даже когда Трамп стал оказывать нажим на Китай, он воздержался в целом от критики в отношении лично Си Цзиньпина. «Если США и Китай не будут участвовать в большем диалоге, это будет плохо для мировой экономики», — утверждал Абэ¹⁴. Как полагает ведущее деловое издание Японии, укрепляя свои отношения с китайским лидером, Абэ надеется служить мостом между Си Цзиньпином и Трампом. Но, по мнению газеты, для японского лидера это будет непросто.

На встрече в Пекине Абэ положительно откликнулся на китайское предложение наладить между двумя странами диалог для обсуждения сотрудничества в области передовых технологий. При этом японский лидер отдавал себе отчет в том, что такой шаг может вызвать сильное неприятие со стороны Вашингтона, который резко критикует Пекин за его политику в области прав на интеллектуальную собственность. Тем более что, как считают многие эксперты, за нынешним «торговым наступлением» США на КНР кроется стратегическая цель воспрепятствовать превращению Китая в равноценного по силе конкурента в сфере передовых технологий.

Помимо принятия Си Цзиньпина у себя в стране в 2019 г., Синдзо Абэ планирует также посетить Китай в первой половине этого года для участия в трехстороннем саммите Япония — Китай — Южная Корея. Кроме того, японский премьер пригласил руководителя КНР участвовать в церемонии открытия Олимпийских игр 2020 г. в Токио. Мероприятие, по словам газеты, даст японскому лидеру еще один шанс улучшить отношения с Пекином. Примечательно, однако, что на просьбу снять эмбарго на импорт японских продовольственных товаров, введенное Китаем в связи катастрофой на АЭС Фукусима-1 в 2011 г., Синдзо Абэ не получил со стороны Си Цзиньпина положительного ответа. Такая реакция, не исключено, была продиктована пониманием китайским руководителем того, что его согласие усилило бы позиции Абэ на предстоящих летом 2019 г. выборах в верхнюю палату парламента Японии.

Газета «Нихон кэйдзай симбун» считает, что одного укрепления доверия между двумя лидерами может оказаться недостаточно, чтобы начать «новую эру» китайско-японского сотрудничества, которую провозгласил японский премьер в ходе визита в Пекин. Издание обращает внимание, что такие сложные вопросы двусторонних отношений, как безопасность, восприятие истории двух стран, совместное освоение ресурсов в Восточно-Китайском море, остались на заднем плане переговоров Абэ и Си. Что касается самой жгучей двусторонней проблемы — спора из-за Сэнкаку (Дяоюйдао), то оба лидера лишь условились улучшить связь между двумя странами, чтобы избежать случайных столкновений вокруг этих островов¹⁵.

Наряду с ростом военной напряженности между Японией и Китаем в Восточно-Китайском море, все явственнее вырисовывается еще один очаг их серьезной конфронтации — в Южно-Китайском море. Там, по мнению японских политиков и экспертов, Китай, претендуя на львиную долю морского пространства, а также существующих островных территорий, наращивает свою «морскую экспансию» путем строительства искусственных остров и их милитаризации. В то же время Япония имеет в Южно-Китайском море собственные национальные интересы в сфере экономики и безопасности, так как по нему проходят ее важнейшие торговые пути, в том числе маршруты доставки нефти из стран Ближнего Востока. Кроме того, море располагает огромными рыбными ресурсами, а под его дном таятся крупные минеральные резервы, включая углеводороды. Очевидно, что борьба двух ведущих азиатских и мировых держав за контроль над Восточно-Китайским и Южно-Китайским морями, за их природные ресурсы в перспективе будет лишь нарастать. Этим во многом объясняется гонка вооружений, которая в последние годы развернулась между Японией и КНР.

Кто кому угрожает

Накопленный экономический потенциал и быстрый рост на его основе военной мощи КНР вызывает все большую тревогу в Японии. Это нашло отражение в словосочетании «китайская угроза», которое пришло на смену термину «советская угроза» времен холодной войны. Термин «китайская угроза» в последние годы не только прочно укоренился в лексиконе японских политиков и экспертов, но вошел в официальные документы. Так, в изданной Министерством обороны Японии брошюре «Оборона Японии 2018» говорится, что на фоне резкого увеличения оборонного бюджета Китай быстро укрепляет свой военный потенциал в широком диапазоне с упором на ядерную и ракетную мощь, а также на военно-морские и военно-воздушные силы. В рамках этого Китай усилил свой так называемый потенциал А2/АД¹⁶. Помимо укрепления традиционного военного потенциала, в последние годы Китай осваивает новые средства борьбы в сфере электроники и киберпространстве. Брошюра утверждает, что на фоне дальнейшей консолидации Си Цзиньпином авторитарной власти в качестве председателя Центрального военного совета процесс военной модернизации КНР будет лишь ускоряться. Китай стремится к тому, чтобы закончить в основном модернизацию своих вооруженных сил к 2035 г., а к середине XXI века превратить НОАК в одну из сильнейших армий мира.

В документе отмечается активизация деятельности военно-морских и военно-воздушных сил Китая в районах вокруг Японии, включая острова Сэнкаку, а также обращается внимание на то, что Китай на своих военных маневрах отрабатывает тактику выхода своих вооруженных сил на открытое пространство Тихого океана. По мнению составителей брошюры, военная деятельность КНР в Южно-Китайском море расширяется. Быстрая модернизация НОАК, повышение ее оперативного потенциала и односторонняя эскалация деятельности в районах вокруг Японии без достаточной прозрачности создают серьезные проблемы для нее в области обеспечения безопасности, а также для региона и международного сообщества в целом. По всей видимости, считают японские аналитики, НОАК играет опорную роль в инициативе «Один пояс, один путь» благодаря своему участию в «защите морских путей». Более того, развитие инфраструктуры в рамках этой инициативы может привести к дальнейшему расширению деятельности НОАК в таких районах, как Тихий и Индийский океаны¹⁷.

Японские оценки военного строительства КНР вызывают резкое неприятие в Китае, а сама Япония подвергается критике за наращивание ее собственного военного потенциала. Так, касаясь опубликованной в августе 2018 г. «Белой книге по обороне Японии», агентство Синьхуа в своем комментарии на русском языке утверждает, что издание по-прежнему сильно сгущает краски в вопросе обеспечения безопасности вокруг Японии, чтобы тем самым проложить путь для расширения вооружений и разработки кабинетом Синдзо Абэ к концу 2018 г. новой «Программы национальной обороны». В то же время говорится, что «Белая книга» также не забыла рассказать и о так называемой китайской угрозе, допустив безответственные высказывания в адрес стандартных военных операций КНР и обычного оборонного строительства НОАК. На страницах книги произвольно искажаются цели патрулирования морскими судами Китая акватории островов Сэнкаку (Дяоюйдао) и ведение ими законной деятельности. Утверждается, что Китай якобы «в одностороннем порядке» наращивает военную деятельность вблизи Японии.

В то же время, подчеркивает Синьхуа, новое издание «Белой книги» подробно рассказывает о последних переменах курса кабинета Синдзо Абэ в направлении расширения оборонительной политики, в т.ч. о реформе Сил самообороны Японии и укреплении их способности к комплексным действиям. Говорится в ней и о создании подразделений японской морской пехоты, а также развертывании систем ПРО наземного базирования «Иджис». Все это, подчеркивает агентство, происходит на фоне непрерывного роста военного бюджета Японии шестой год подряд. Китайские аналитики считают, что продолжение японским правительством раздувания окружающих страну угроз в «Белой

книге по обороне — 2018» ставит целью заложить основание для увеличения военных расходов в 2019 финансовом году и переписать «Программу национальной обороны Японии» с целью дальнейшего усиления вооруженных сил страны¹⁸.

В самом деле, в декабре 2018 г. кабинет министров Японии одобрил пересмотренный вариант «Руководящих принципов национальной программы обороны», в которых обычно излагаются цели и принципы военной политики страны в течение 10-летних циклов. Как отмечает газета «Нихон кэйдай симбун», пересмотр знаменует собой значительную модернизацию обороноспособности страны, в том числе введение в строй первого со времен Второй мировой войны авианосца, развертывание ракет большой дальности, а также развитие возможностей ведения войны в кибер- и космическом пространстве¹⁹. «Нихон кэйдай симбун» утверждает, что досрочный пересмотр документа, предвещающее обновление которого произошло в 2013 г., вызван ракетно-ядерными испытаниями Северной Кореи, «китайской напористостью в Южно-Китайском море», а также усилением давления Китая на Японию по поводу островов Сэнкаку.

Чтобы укрепить обороноспособность Японии, правительство, в частности, преобразует свой вертолетоносец Izumo в авианосец, способный запускать истребители-невидимки F-35B. Эти самолеты могут совершать взлеты с коротким разбегом и вертикальные посадки. Япония закупит в США 105 таких самолетов, включая сухопутные модели. В ответ на угрозу китайских противокорабельных ракет большой дальности Япония развернет собственные противокорабельные ракеты, способные поражать цели морского базирования на расстоянии до 900 км. Минобороны также будет работать над новыми видами вооружений, например, гиперзвуковыми управляемыми ракетами, которые имеют скорость, в пять раз превышающую скорость звука. Кроме того, у США будет приобретена новая наземная система противоракетной обороны Aegis Ashore.

Согласно рассчитанной на пять лет «Среднесрочной оборонной программе», которая была принята одновременно с «Руководящими принципами программы национальной обороны», правительство выделяет более 27 трлн иен (240 млрд долл.) на военные расходы. Программа начнет осуществляться с 1 апреля 2019 г. Указанная в ней сумма примерно на 3 трлн иен больше по сравнению с программой, охватывающей период с 2014 по 2018 фин. г. Газета признает, что это является рекордным показателем для японских военных расходов²⁰. Нельзя исключать, что в связи с быстрым наращиванием Японией своего военного потенциала Пекин, как это бывало ранее, при случае обвинит Токио в «возрождении японского милитаризма».

В свете того, что национальные интересы Японии и Китая во многом сталкиваются на просторах Тихого океана, между двумя государствами в последние годы развернулась реальная гонка военно-морских вооружений. Парадокс заключается в том, что в 2018 г., когда обе страны отмечали 45-ю годовщину заключения Договора о мире и дружбе, эта гонка приобрела новое качество — обе страны обменялись «недружественными визитами» подводных лодок.

4 октября 2018 г. была спущена на воду первая в Японии подводная лодка, работающая на литий-ионных аккумуляторах. 84-метровая лодка «Орю» может развивать скорость до 20 узлов и имеет водоизмещение 2950 тонн. Она будет поставлена японским морским Силам самообороны в марте 2020 г. «Орю» уже одиннадцатая субмарина Японии класса «Сорю», строительство которых началось в 2005 г. Они входят в число крупнейших и наиболее бесшумных дизель-электрических подводных лодок в мире. «Орю» — это значительно обновленная версия «Сорю».

По мнению японских военных аналитиков, разработка и введение в строй новейшей японской субмарины отражает конкурентное укрепление Японией и Китаем своих военно-морских потенциалов в условиях нарастания их конфронтации на просторах Тихого океана и, прежде всего, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. При этом обе страны значительно активизировали деятельность своих подводных лодок. Так, в январе 2018 г. японские Силы самообороны обнаружили китайскую субмарину в подвод-

ном положении вблизи островов Сэнкаку. А в сентябре того же года Токио впервые провел свои военно-морские учения в Южно-Китайском море, в которых приняла участие японская подводная лодка.

По мнению японских специалистов, несмотря на то, что в современных военно-морских стратегиях ведущая роль отводится авианосцам и самолетам-невидимкам, истинными субъектами «смены игры» в этих стратегиях являются подводные лодки. Специалисты отмечают также, что Китай активно ведет строительство авианосцев, но для эффективных боевых действий им требуется сопровождение подводных лодок. Подводные лодки с баллистическими ракетами, которые Китай развернул в Южно-Китайском море, также требуют защиты подводных лодок сопровождения. По японским оценкам, подводный флот КНР, насчитывающий около 60 субмарин, превосходит по численности японский флот, состоящий из 22 подлодок. Но считается, что Япония сохраняет значительное превосходство над Китаем в управлении подводными судами и проведении бесшумных операций. По заключению японских стратегов, в гонке подводных вооружений с Японией Пекин давно полагается на количество, чтобы компенсировать отставание в качестве. Это говорит о том, что флот подводных лодок Китая будет расти и дальше. Кроме того, КНР придает большое значение «стратегии асимметрии», развернув большое количество беспилотных подводных судов. Это потребует от Японии не только развития передовых подводных технологий, но и увеличения числа своих подлодок.

Военное противостояние Японии и Китая имеет и другие измерения. Так, по мнению некоторых американских экспертов, планы президента Трампа вывести США из Договора о ракетах средней и малой дальности (ДРСМД) вызваны не только якобы нарушением Россией указанного договора, но в значительной степени наличием у Китая огромного количества ракет этого класса. Они могут нести угрозу американским военным базам в Японии, которые находятся в пределах их досягаемости, а также Силам самообороны самой Японии.

По данным доклада Пентагона о китайской военной мощи за 2018 г., масштабная военная программа модернизации позволила Китаю разместить массу баллистических ракет малой и средней дальности с обычным боеголовками, а также крылатые ракеты наземного и воздушного базирования в рамках вышеупомянутой стратегии A2/AD. Примерно 95% арсенала китайских ракет имеют диапазон от 500 до 5500 км и, таким образом, подпадают под действие ДРСМД. Некоторые эксперты по региональной безопасности даже предположили, что китайские военные могут практиковать упреждающие ракетные удары по передовым базам, которые лежат в основе военной мощи США в западной части Тихого океана.

На этом фоне и по мере того, как США и Китай начинают вступать в то, что некоторые эксперты называют «новой холодной войной», решение Вашингтона о выходе из ДРСМД, вероятно, будет иметь ряд последствий для Японии. Они включают возможность восстановления Соединёнными Штатами своего ракетного арсенала малой и средней дальности и отправку этого оружия в Японию и другие страны региона²¹. Этот шаг, несомненно, лишь усилил бы напряженность в отношениях между Японией и Китаем.

Судя по всему, одной из главных сфер военного противостояния двух стран в ближайшем будущем станет киберпространство и космос. В ходе состоявшегося в январе 2019 г. визита в Вашингтон министра обороны Японии Такэси Ивая между ним и исполняющим обязанности министра обороны США Патриком Шанаханом была достигнута договоренность о сотрудничестве в этих областях в ответ на стремление Китая к военному превосходству в них²². Эксперты отмечают, что визит состоялся через месяц после того, как кабинет премьер-министра Синдзо Абэ принял новую 10-летнюю оборонную программу и 5-летнюю среднесрочную программу наращивания военного потенциала, которые направлены на дальнейшее укрепление японо-американского альянса²³.

Примечательно также, что на встрече в Пентагоне Ивая и Шанахан подчеркнули свое несогласие с попытками Китая изменить статус-кво в Восточно-Китайском и Юж-

но-Китайском морях и обязались сотрудничать в деле укрепления там «верховенства права и свободы судоходства». Кроме того, оба деятеля подчеркнули необходимость усиления присутствия Японии и Соединённых Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе, имея в виду совместное противостояние КНР в указанном районе мира. Понятно, что в контексте наращивания японо-американского военного сотрудничества с прицелом на Китай настороженность Пекина в отношении Токио будет лишь возрастать. Однако, как очевидно, объективно будет происходить и параллельное усиление центростремительных тенденций в отношениях двух ведущих азиатских держав, о чем говорилось выше.

Возможен ли китайско-японский кондоминиум?

Центростремительные тенденции, по мнению некоторых экспертов, могут со временем привести даже к совместному управлению АТР Японией и Китаем. Вот как на этот счет в статье «На пути к эре Pax Sinae-Nipponica», опубликованной в газете Japan Times, рассуждает проживающий в Токио предприниматель и экономический стратег Джеспер Коль (Jesper Koll)²⁴.

В статье говорится, что изначально Абэ снискал популярность в Японии как политик, жестко настроенный в отношении Китая. В частности, на выборах в парламент в 2012 г. он захватил воображение японской правящей элиты, представившись единственным кандидатом, готовым гарантировать, что Япония не превратится в колонию Китая. За период пребывания Абэ у кормила власти Япония стала более сильной страной: ее экономика значительно окрепла, на дипломатическом фронте позиция Японии также заметно укрепилась. Во многих областях Япония станет еще более мощным посредником между двумя глобальными сверхдержавами — Соединёнными Штатами и Китаем. Покупка ракет и систем кибербезопасности у США и одновременные инвестиции в азиатскую инфраструктуру вместе с Китаем — это, по мнению предпринимателя-экономиста, не противоречие, а макиавеллиевская стратегия обеспечения будущего процветания Японии и глобальной значимости страны.

Как полагает Коль, ключевая задача Синдзо Абэ состоит в том, чтобы фактически создать более осязаемые и предметные японо-китайские отношения. По его мнению, наилучшей отправной точкой в этом плане является экономическое сотрудничество в целом и совместное развитие азиатской инфраструктуры и экономическое государственное строительство, в частности. Он выделяет следующие пять столпов, которые могли бы создать надежную основу не только для улучшения японо-китайских отношений, но и для начала эры Pax Sinae-Nipponica в Азии.

Во-первых, Японии необходимо стать партнером Китая в его инициативе «Один пояс, один путь». Во-вторых, страна должна присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций под руководством КНР. В-третьих, Япония должна принять участие в создании новой особой экономической зоны в Северной Корее, специально ориентированной на совместные инвестиционные проекты Японии, Китая и Южной Кореи. В-четвертых, Токио было бы целесообразно более активно вовлекать Китай в проводимые Японией переговоры о Транстихоокеанском партнерстве по созданию многостороннего Тихоокеанского соглашения о свободной торговле. В-пятых, требуется развитие внутриазиатской сети водоснабжения и энергоснабжения.

В ближайшие десятилетия, полагает аналитик, ограничения, налагаемые на рост китайской и азиатской экономики, проистекающие из таких узких мест, как водо- и энерго-снабжение, предвещают угрозы. Из-за этого могут произойти будущие войны, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наряду с этим, Япония и Китай должны стремиться к усилению взаимозависимости. В XX веке «уголь и сталь» стали основой германо-французского союза, сделавшего невозможной будущую войну. В XXI веке «вода и энергия» могли бы сделать то же самое для Азии с Японией и Китаем, создающими центр альянса.

Автор статьи в японской газете признает, что некоторые из этих мыслей кажутся невероятными и нереальными. В то же время он выражает надежду, что лидеры Японии и Китая не окажутся в вакууме, а будут прагматичными и дальновидными. По его мнению, настало время заложить основы нового азиатского порядка. По многим причинам *Pax Nipponica* или *Pax Sinae* не могут работать, но *Pax Sinae-Nipponica* почти наверняка будет приветствоваться Азиатско-Тихоокеанским регионом, поскольку это понятие символизирует включение, а не навязывание сверху.

Безусловно, с Джеспером Колем можно согласиться в том, что эра *Pax Sinae-Nipponica*, скорее всего, является чисто умозрительной концепцией, и если она когда-нибудь все же наступит, то это произойдет за видимой линией политического горизонта в АТР. Понятно также, что создание *Pax Sinae-Nipponica* несло бы комплексную угрозу базовым интересам США в Азии, и Вашингтон сделал бы все возможное, чтобы не допустить подобного тандема Японии и Китая. Поскольку Япония в ближайшие годы останется младшим партнером Соединённых Штатов в их двустороннем альянсе, у американцев для этого будут самые широкие возможности.

А в обозримом будущем на международной арене мы будем наблюдать диалектическое «единство и борьбу противоположностей» в лице Японии и Китая. В зависимости от протекания этой борьбы на первый план в отношениях между ними будут поочередно выходить то конфликты, то сотрудничество.

-
1. Цит. по: Diplomatic Bluebook 2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter2/c020102.html#sf02>.
 2. Ibid.
 3. Ibid.
 4. Ibid.
 5. Japan Times. 12.08.2018.
 6. Ёмиури симбун. 27.10.2018.
 7. Нихон кэйдзай симбун. 27.10.2018.
 8. Ёмиури симбун. 27.10.2018.
 9. Нихон кэйдзай симбун. 24.12.2018.
 10. Ibid.
 11. Ibid.
 12. Ibid.
 13. Нихон кэйдзай симбун. 28.10.2018.
 14. Ibid.
 15. Ibid.
 16. A2AD, или A2/AD (англ. anti-access and area denial — ограничение и воспреещение доступа и маневра) — концепция сдерживания противника путем создания повышенной опасности для дислоцирования или перемещения сил противника в защищаемую местность.
 17. Defence of Japan 2018. Tokyo, 2018. P. 10.
 18. Синьхуа. 29.08.2018.
 19. Нихон кэйдзай симбун. 18.12.2018.
 20. Ibid.
 21. Japan Times. 22.10.2018.
 22. Japan Times. 16.01.2019.
 23. Ibid.
 24. *Koll Jesper*. Toward a Pax Sinae-Nipponica era // Japan Times. 07.10.2018.